

Переводчик: Антония

Мо Цяньсюэ приветствовал его у ворот и проводил внутрь, чувствуя себя странно. Она услышала, что семья Су живет в столице. Почему он вернулся домой на Новый год?

Сомнение Мо Цяньсюэ было также болью для Алу и Ажао, которые последовали за своим повелителем. Причина, по которой Господь не вернулся домой, была в том, что старая госпожа Су назначила ему очередное свидание вслепую.

Поскольку был Новый год, было бы невежливо, если бы она не задержала его на обед, и кроме того, он был ее деловым партнером.

Более того, как гурман, не пришел ли он на ужин, заявившись в обеденное время?

Они обменялись приветствиями, и Юняо спросил, стоит ли обедать сейчас. Затем Мо Цяньсюэ пригласил Су Ци присоединиться к ним.

"Господин Су Ци, пожалуйста, потерпите нашу скромную домашнюю посуду".

"Господин Нин, это очень ненавязчиво с вашей стороны".

Прислушиваясь к их чрезмерной раздражающей вежливости, Мо Цяньсюэ не мог не нахмуриться. Почему эти двое так лицемерно вели себя при первой встрече?

С каких пор Су Ци, игривый денди, стал таким педантичным? И с каких пор Нин Шаоцин, безразличный лорд, тоже стал таким церемоничным и мирским?

"Меня зовут Су и зовут Цзиньхань, я занимаю седьмое место в нашей семье". Мистер Нин мог просто назвать мое имя."

"Я Нин Шаоцин, можешь звать меня брат Шаоцин."

"Мистер Нин старше мужчины, как бы то ни было, я должен называть тебя старшим братом."

Мо Цяньсюэ была так смущена ими и похоронила себя в рисе.

"Старший брат. Нет, я не осмеливаюсь называться так. Почему я называю тебя седьмым младшим лордом братом Су. А ты как думаешь?"

"Нет-нет-нет, это льстит мне. Так как ты старше меня, зови меня просто Ци."

"Нет-нет-нет, неправильно называть тебя прозвищем. Думаю, брату Су будет лучше."

"Боюсь. Брат Нинг, просто прими мое предложение."

"..."

Мо Цяньсюй больше не мог терпеть их, указывая на двух мужчин с палочками для еды: "Ты Нин Шаоцин, а ты Су Ци". Как бы вы друг друга не называли, теперь ешьте!"

Фальшивая лицемерная улыбка застыла на их лицах, и они стали есть в тишине.

Асан, Аву, Алу и Ажао - все они бросили благодарные глаза на Мо Цяньсюэ. У них чуть не закружилась голова от безостановочного обмена любезностями.

В эти дни Су Ци все продумал. Ему нужно было что-то, что помогло бы ему принять решение о том, стоит ли ему сдаваться или идти дальше. Поэтому он был здесь, чтобы проверить, ведет ли Мо Цяньсюэ счастливую жизнь.

Если она счастлива, то он пожелал ей всего самого лучшего и постарался помочь ей найти странного доктора.

Если она не была счастлива, даже в малейшей степени, он боролся за неё, несмотря на то, что она уже была замужней женщиной.

Для него самой незначительной вещью была слава. Что может быть сложного в том, чтобы жениться на замужней женщине?

Хотя выражение Нинга Шаоцина было нехорошим, он, как всегда, изливал уксус. С тех пор, как Су Ци вошел в ворота, он не взглянул прямо на Мо Цяньсюэ.

Он мог сказать, что Су Ци контролирует себя и что Су Ци, похоже, принимает важное решение.

Решение, которое требовало его помощи.

После еды Су Ци обратился за советом к Нин Шаоцину по шахматам. Они поставили шахматную доску на корневой скульптурный стол во дворе. Мо Цяньсюэ, скучая, сидел в кабинете, читал книгу и постоянно смотрел в окно.

Су Ци был одет в лунный цвет, нефритовое кольцо, чтобы связать его волосы, держа в руках

парчовый маленький вентилятор. Игривая улыбка, которую он носил сейчас, была улыбнута серьёзностью. Он не выставлял её намеренно, его благородный воздух кричал о её естественном существовании.

Нин Шаоцин носил длинное тибетское синее платье с полоской из ткани, завязывающей волосы, и сидел вон там очень вертикально. По углам его губ всегда проступали следы маленькой улыбки, что говорило о спокойствии и отдыхе.

Все их движения свидетельствовали о высоком настроении. Шахматы играли как битва.

Снег, двор, красивые мужчины и шахматная доска. Какая захватывающая картина!

Тем не менее, Мо Цяньсюэ чихнул на их претенциозность. Не было снега, но погода была очень холодной. Они не играли в шахматы в помещении, а сидели вон там. Как жаль, что не было ветра, или они не выглядели бы более грациозно в плавающих платьях, как небесные бессмертные.

Они играли в шахматы в медленном темпе. Они должны быть превосходны в Тайцзи.

Время от времени слова выходили из их уст; в результате раундов обмена Мо Цяньсюэ почувствовал, как будто там были мечи и копья.

Казалось, что Су Ци знал настоящую личность Нин Шаоцина.

Были ли разногласия между двумя семьями?

В то время как Мо Цяньсюэ задавался вопросом, Юньяо вошёл в дом с уважением и сказал: "Госпожа". Старшая леди Цзянь здесь".

Цинъюй был здесь? Мо Цяньсюэ был в шоке.

Она, как младшая, должна была заплатить за новогодний звонок в особняк Цзянь, но она не хотела уезжать без приглашения.

Если бы она захотела, что бы о ней подумали другие? Яблокополировщица? Сапожник? Цзянь Цинъюй прибыл к воротам, не оставив времени Мо Цяньсюэ много думать. Быстро, она разобралась с одеждой и поспешила.

Под большим деревом припарковался конный экипаж финикового цвета, окна, дверь и даже колеса которого были вырезаны узорами и окрашены в коричневый цвет, делая его и величественным, и строгим. Водитель был старый Ван.

За ним стояла еще одна карета. Кто бы это мог быть? Мо Цяньсю взглянула на него, уверенная, что не знает человека, и оглянулась назад.

Увидев Мо Цяньсюэ, старик Ван постучал в карету. Под звук, занавеска двери была поднята. Это была няня Юань.

После того, как няня Юань вышла, это были две служанки Цзянь Цинью, Сицин и Нонгча.

Они спрыгнули, положили стул для ног на землю, а затем держали Цзянь Цинью, чтобы выйти из кареты.

Видя, что Цзянь Цинью вышел, он, как и старый Ван, тоже постучал в карету.

Выходили няня Чжан и другая няня, которую Мо Цяньсюэ не знал. Потом две служанки, и, наконец, пятая юная леди Цзянь Цинхуа и седьмая юная леди Цзянь Цинчжэнь.

Две дамы вышли, посмотрели в сторону Мо Цяньсюэ, не приветствуя её, в доме Нина.

При взгляде на обычный деревенский двор, который был немного больше и величественнее среднего, Цзянь Цинхуа проявил восхищение, в то время как Цзянь Цинчжэнь проявил презрение.

Очевидно, что несколько комнат в передней части были недавно отреставрированы. На карнизах висело несколько скоплений сушеных овощей и перца. Хлопковая бумага на окнах была белой и чистой.

"Цинчжоу, ты можешь прийти сам". Зачем ты их привозишь?"

"Бабушка ценила вежливость. Она считает тебя спасителем моей жизни, поэтому потребовала, чтобы я навещал тебя. И всё же, ты тоже спасительница бабушки. Она не смогла нанести визит лично, поэтому послала их сюда от своего имени, чтобы выразить свою благодарность."

Эм... Был ли такой ритуал? Мо Цяньсю страдала от головной боли.

С любыми гостями нужно хорошо обращаться.

Обменявшись несколькими словами приветствия с Цзянь Цинью, Мо Цяньсюэ из вежливости подошел, чтобы поприветствовать двух дам.

После долгих формальностей Мо Цяньсюэ привел группу людей в гостиную.

Двор перед входом был ничем особенным, кроме ряда малоэтажных комнат.

Затем, когда они вошли на задний двор, стоя у ворот, когда их одежда, взорванная холодным ветром, упала вниз, откуда открывался вид на двух симпатичных молодых людей, играющих в шахматы.

Один из них, тибетского цвета, был одет в водопад из завязанных волос, но с нежными бровями, светлым цветом лица и вертикальной фигурой.

Хотя в платье из грубой ткани его стройная фигура выглядела не тусклой, а воздушной и элегантной. В этот момент он держал в руках шахматную фигуру, готовую к падению. Его опущенная голова и бороздчатый взгляд заставили его взглянуть на небесное существо, которое вышло за пределы грязного мира, чтобы пролететь над вселенной...

Его жест и темперамент полностью тронули сердце Цзянь Цинхуа. Разве это не та жизнь, которую она искала? Разве он не был тем, о ком она мечтала?

Она, как дочь наложницы, никогда не ожидала счастливого брака.

С древних времен дочь наложниц из благородной семьи либо выходила замуж за своего шурина в качестве наложницы, либо отправлялась в более высокую семью в качестве наложницы юного лорда.

Самые счастливые из них женились в качестве законной жены этих избалованных сыновей наложниц.

В этот момент глаза этой пятой леди Цзянь не могли видеть других мужчин, кроме Нин Шаоцина, в то время как седьмая леди Цзянь положила глаз на Су Ци.

Когда они только прибыли к воротам, она узнала Су Ци. Ранее, в день рождения старой госпожи Цзянь, она ускользнула, чтобы взглянуть на него, как только услышала весть о том, что законный сын высокопоставленной знатной семьи пришел продлить подарок.

Качающийся маленький вентилятор, воздух благородства и небрежное лицо остались в ее голове. С тех пор, как эта фигура появилась в ее глазах, ее слышал, как будто бомбардируют и продолжал повторять предложение, он был тот самый, он был тот самый. Он был именно тем человеком, которого она всегда хотела знать, но у нее не было возможности встретиться с ним снова ...

Благородный молодой господин был в ее сердце и заставил ее с нетерпением ждать встречи с ним снова. К ее удивлению, в этом скромном доме, который она презирала, Су Ци играла в шахматы с другим мужчиной. Это, должно быть, судьба.

"Нин" очень беден. У них даже нет приличной гостиной". Няня Чжан прокомментировала это после тщательного осмотра двора. Она чихнула сама и не заметила, что седьмая леди рядом с ней уже ошарашена.

Видя, как гости приходят, сестра Фан тоже пришла помочь принять их.

Она пришла в нужное время. Быстро Мо Цяньсюэ разрешил ей принять двух нянь и четырех прислужниц во дворе перед домом. Она сама привела Цзянь Цинью и двух других дам на задний двор.

Цзянь Цинхуа и Цзянь Цинчжэнь продолжали оглядываться через каждые несколько шагов на то место, где была установлена шахматная доска.

Мо Цяньсюэ стал свидетелем всех женских глаз и тайных движений, а затем спокойно вел в гостиную, чтобы занять место, прежде чем позволить Юньяо заварить чай.

Когда чай был подан, две дамы рассеянно потягивали чай, но их глаза невольно смотрели из дверей.

Мо Цяньсюэ вздохнула и позволила им подождать здесь немного, потому что у нее был образец вышивки, который она показала Цзянь Цинью и позволила ей дать несколько советов.

Цзянь Цинхуа и Цзянь Цинчжэнь погрузились в свой собственный экстаз и не хотели обращать внимания на Мо Цяньсюэ, лишь желая, чтобы она ушла как можно скорее, чтобы они могли отправиться на поиски своих любимых. Поэтому они с готовностью кивали головой.

С ухмылкой Мо Цяньсюэ и Цзянь Цинью вошли во внутреннюю комнату.

После подачи чая Юньяо почувствовала себя немного не в своей тарелке, поэтому она снова пришла подавать закуски.

Увидев закуски, радость мгновенно забралась на лицо Цзянь Цинчжэня.

Она могла принять перекус как предлог, чтобы подойти к двум господам, которые играли в шахматы.

Неожиданно та же идея пришла в голову Цзянь Цинхуа, который также положил ее руки на тарелку с закусками.

Обе дамы посмотрели друг другу в глаза и поняли, насколько решительно они решились друг на друга, поэтому они усилили свои силы, чтобы перетящить закуску на свою сторону. Поэтому тарелка на столе перетасовывалась справа налево, а затем снова и снова слева направо.

Юняо был ошеломлен этой сценой.

Неужели это были дамы из благородной семьи? Чтобы побороться за тарелку с закусками? Это было очень неприлично. Разве у них дома не было хороших закусок?

Поэтому, с презрением, Юняо взял еще одну тарелку тех же закусок, положил на стол и ушел.

При виде новой тарелки Цзянь Цинхуа отпустил оригинальную тарелку и взял новую. Однако, по стечению обстоятельств, Цзянь Цинчжэнь точно так же, как и Цзянь Цинчжэнь, отпустил первоначальную тарелку и схватил новую.

Следовательно, для новой пластины закусок, битва началась снова.

На этот раз она стала ожесточеннее. Никто из них не хотел сдаваться. Они в одно и то же время уступили, чтобы направиться к другой, так что цикл начался заново.

В конце концов, Цзянь Цинхуа восстановил немного здравомыслия, освободившись, и спросил: "Сестра, какую ты хочешь? Я могу позволить тебе выбрать первой".

Цзянь Цинчжэнь был немного смущен, но как человек, который всегда смотрел свысока на дочь наложницы, она только фыркнула, унеся одну тарелку и оставив комментарий: "Ты здравомыслящий человек". Затем она взяла тарелку и пошла в сторону Су Ци.

В любом случае, во дворе никого не было, поэтому ей не пришлось беспокоиться о том, что ее обвинят в нескромном поведении.

Что касается Цзянь Цинхуа, она никогда не воспринимала ее всерьез. Эта дочь наложницы не осмеливалась бросать в нее грязь.

На улице должно было произойти сенсационное событие, но Цзянь Цинъю и Мо Цяньсюэ очень понравились их личная беседа во внутренней комнате.

Цзянь Цинъю рассказал Мо Цяньсюэ о том, что семья Цзянь сейчас обсуждает для нее брак. После новогоднего праздника (после пятнадцатого дня первого лунного месяца) состоится помолвка.

*

Когда Нинг наслаждался новогодним ужином, в особняке Тонг тоже подавали блюда.

Старый господин Тонг носил темно-красное пальто, окаймленное золотом, и с волнением стоял

в зале, в хорошем настроении, потому что это был первый раз, когда он наслаждался новогодним ужином вместе со своим сыном с более чем десятилетней давности.

С тех пор, как Тонг Цзицзин был отравлен, он больше не ел с ним ни одного ужина.

Увидев дворецкого, все улыбки, ведущие Тонг Цзицзина в зал, старый мистер Тонг был более чем взволнован. В походке и выражении Тонг Цзицзина произошли изменения, которые доказали, что прежние репортажи дворецкого были правдой.

Встретившись с таким Тонг Цзицзин, старый господин Тонг мгновенно отбросил свою неуверенность и сразу же переполнился радостью. Он встал и улыбнулся: "Мой Цзин вернулся".

Потом он похлопал по стулу рядом с ним: "Иди, иди и сядь сюда".

Войдя в комнату, Тонг Цзин не посмотрел на своего отца, как будто его вообще не было, выбрал самый дальний от господина Тонга стул и сел.

Сердце мистера Тонга утонуло. Он знал, что это означало ненависть его сына к нему. Он сделал его тон более приятным и заставил улыбнуться: "Цзин, теперь тебе намного лучше, и ты должна понять меня. То, что я сделал, было в твоих интересах. Не вини меня".

Закончив эти слова, мистер Тонг не воспринял их всерьез. Не было бы мести между отцом и сыном, которая длилась бы долго. Кроме того, хотя он поступил неправильно, у него были благие намерения; он сделал это на благо себя и семьи Тонга.

Тонг Цзицзин только взглянул на него и больше никогда его не видел. Казалось, он вообще не слышал слов своего старого господина Тонга.

Он был поглощен резьбой по маленькому деревянному кусочку в руке, выражение которого выглядело как личность.

Мистер Тонг встал и подошел к нему в тоне, заботясь о своем удовольствии: "Цзин, что ты вырезаешь? Ты можешь сказать папе?" Он никогда ни с кем так не разговаривал.

Тонг Цзицзин молчал, до сих пор молчит. Со всем его вниманием к резьбе, он даже не смотрел вверх.

Когда страсть мистера Тонга прижималась к холодному лицу его сына, улыбка на его лице исчезала. Извинения и компромиссы в его сердце сменились яростью и неудовлетворенностью, из-за которых заволаживающая улыбка стала свирепой.

<http://tl.rulate.ru/book/14777/895064>